

И отдашь голодному душу твою
и напитаешь душу страдальца: тогда
свет твой взойдет во тьме, и мрак
твой будет как полдень.

Исаия 58:10

Прошлое никогда не проходит.

Уильям Фолкнер

Старик увидел их неподалеку от границы штата, на противоположной стороне шоссе. Двое шли вдоль обочины: женщина с перекинутым через плечо большим мешком (в такие обычно складывают мусор) и следом за ней девочка. Он проводил их взглядом, проезжая мимо, потом еще некоторое время наблюдал в зеркало заднего вида, как машины проносятся мимо них, словно это не люди, а дорожные знаки. Солнце стояло в зените посреди ясного голубого неба, и этой парочке явно приходилось несладко, поэтому, проехав несколько миль, мужчина на ближайшем съезде свернул на развязку, пересек трассу по виадуку и поехал обратно, туда, где остались женщина и ребенок. Он ругался про себя — какого черта они здесь забыли?!

Снова увидев их, старик сбросил скорость. Девочка шла по высокой колючей траве и хлопала себя по голым коленкам, перед ней все так же шла женщина, сгибаясь под тяжестью мешка. Он съехал на обочину и затормозил позади них, но никто даже не обернулся. Поставив машину на ручник, старик вышел из кабины:

— Эй!

Женщина и девочка остановились и посмотрели в его сторону. Их лица покраснелись и были влажны

от пота, у девочки под белоснежными локонами кожа начала шелушиться от солнечных ожогов. Обе были одеты в шорты и топы на бретельках, плечи у обеих сгорели, а ноги покрылись ссадинами и укусами от долгой ходьбы по траве. Женщина скинула с плеча мешок, и он глухо стукнулся о землю.

— И что вы тут забыли? — спросил старик.

Он поправил шляпу и поглядел на мешок.

— Идем вот, — ответила женщина, жмурясь от солнца, которое светило прямо из-за спины незнакомца, а девочка закрыла лицо ладонями и глядела сквозь щелочки между пальцами.

— Помощь нужна? — спросил старик. — Малышка явно притомилась, — кивнул он в сторону ребенка.

— Нам нужно попасть на стоянку грузовиков в Фёрнвуде. Знаете, где это?

— Знаю. Еще с десяток миль на север. И что у вас там?

— Встретить надо кое-кого.

— Кое-кто на машине?

— Да, сэр.

— Прыгайте в авто, — предложил старик. — Не следует вам здесь разгуливать. — И подошел, чтобы забрать мешок.

— Он тяжелый, — предупредила женщина.

Мужчина крякнул и, перекинув мешок через плечо, направился к своему длинному серебристому бьюику. Он забросил мешок в багажник, а женщина с девочкой разместились на заднем сиденье.

Поначалу старик, рассматривая женщину в зеркало заднего вида, пытался завести разговор: спрашивал, откуда они, куда направляются, чем им помочь и уверена ли она, что их кто-то ждет на стоянке грузовиков. Однако пассажирка, упорно глядя либо в окно, либо

на ребенка, давала только односложные ответы. Наблюдая за рассеянным выражением ее лица, старик понял, что большего, чем уже узнал, он от нее не добьется. В зеркало ему было видно лишь худое лицо собеседницы, с которого от прохлады салона сошел румянец, и макушку девочки, от скуки ли, усталости или голода, а может, от всего разом, не поднимавшей глаз. Мужчина давно не общался с детьми, но предположил, что малышке лет пять или шесть. Она тихо сидела, прислонившись к матери, как потрепанная кукла. Старик в конце концов замолк, решив, что посидеть несколько минут в тишине для них в радость.

Вскоре слева над деревьями показалась вывеска стоянки большегрузов, и он свернул на огромную парковку, по которой перемещались туда-сюда огромные фуры. По правую руку от парковки располагались автозаправка и здание мотеля. Старик свернул налево, проехал мимо газовой заправки, душевых для дальнобойщиков и остановился возле двери кафе, которое имело отдельный вход со стороны стоянки.

— Здесь устроит? — спросил он, и женщина кивнула в ответ.

— Пойдем, — позвала она девочку.

Мужчина обошел машину, вытащил мешок из багажника и положил на асфальт. Затем он достал из заднего кармана штанов бумажник, покопался в нем и протянул женщине сорок долларов.

— Спасибо, — кивнула она.

Он начал было говорить, что рад был бы дать ей больше, но женщина, устало улыбнувшись, сказала, что это и без того огромная сумма. Взвалив мешок на плечо, она взяла девочку за руку и пошла ко входу в кафе. Он придержал для них стеклянную дверь и проводил взглядом, увидев, как женщина опустила мешок

на линолеум и потащила за собой следом, а девочка прошла мимо ряда барных стульев, стукнув ладошкой по каждому из них.

После того как официантка усадила их за столик у окна, он подумал, что надо бы подойти к ним и дать свой номер телефона на случай, если за ними никто не явится и они будут нуждаться в помощи. Но что-то его остановило. Вместо этого старик сел в свой бьюик, пересек трассу и поехал домой, где поставил машину под навес и сел пить чай со своей женой. Возможно, он даже рассказал ей о странной парочке, и когда жена спросила, зачем он вообще ехал в сторону Луизианы, не смог дать внятный ответ.

Малышка съела два поджаренных сэндвича с сыром и плоску шоколадного мороженого, а женщина — несколько оладий с сиропом. Свой обед они запили холодным чаем. Стоило это больше, чем хотелось бы, но то, как быстро с каждым откушенным кусочком оживала девочка, многое извиняло. По крайней мере, сейчас.

После оплаты они еще некоторое время молча сидели за столиком. Девочка рисовала на обратной стороне меню мелкими, которые ей принесла официантка. Мейбен пересчитала деньги — у нее оставалось семьдесят три доллара, — аккуратно сложила купюры и сунула их в передний карман своих шорт. Глянув в окно на мотель, находившийся на другой стороне парковки, она на секунду представила, как приятно может быть снять комнату с кондиционером, долго стоять под горячим душем, посмотреть телевизор, а после запереть дверь и уснуть на чистом белье с дочкой в обнимку...

— Мама, смотри! — девочка показала ей листок с красной буквой «А» и чем-то еще красным — наверное, «В». И также чем-то зеленым, напоминающим и «С», и «L» одновременно.

— Молодец, Аннэли! — похвалила Мейбен.